

ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ В ПИСЬМАХ ВОИНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Уже сейчас их называют документами эпохи. Наряду с мемуарами видных военачальников обычные солдатские письма отражают время не менее, чем толстые тома, в которых перечислены основные баталии и направления главных ударов. Чаше - сложенные в треугольники, реже - посланные в конвертах либо на почтовой карточке, эти листки бумаги становились связующей нитью между передовой и домом, домом и передовой. Пожелтевшая, выцветшая бумага; а кажется иногда, что это дым пожарищ вьелся в нее, пороховая горечь.

Признаться, не слишком откровенной была та, окопная правда. Она и проштампована одинаково: «Проверено военной цензурой». Значит, надежно - лишнего нет. Но чаще не перлюстраторов побаивались писавшие эти письма воины, а того, как бы не расстроить близких, не взволновать лишний раз своих дорогих людей. А потому единственная и главная новость: жив! А завтра? Завтра - будь что будет...

Через незамысловатость эпистолярного жанра, через обычное житейское четко прослеживается характер нашего воина: бойца, ушедшего на ту кровавую сечу без особого желания убивать. Ему бы за сохой постоять, ему бы засеять добрыми семенами свое, завещанное предками поле и дожидаться славных всходов. Ему бы косу в руки да на луг, ему бы поплотничать. Ничего бойцовского искони не было у русского человека. Душа его противилась этому воинственному чувству. Но коль настал час защищать Родину - пошел. Нехотя, супротив воли. Потому что надо оборонять землю свою и свое жилище. Потому как нужно истреблять зло. Почти как сорняк на отчем поле вырывать - с корнем.

В большинстве писем наших земляков тот же, отнюдь не бойцовский, настрой. Порою они кажутся до однообразия одинаковыми. Однако, прочитав десяток, другой и больше таких отправлений, понимаешь: вот он, собирательный образ нашего защитника. Не былинно-легендарный. Реальный. Конкретный.

Нередко с фотографий тех лет смотрят на нас лица, удивительно похожие на лики православных святых. На того же Егория-победоносца похожие. Светлый взгляд воина и пахаря одновременно. Они, эти люди, и в мыслях своих были зачастую чисты, бесхитростны и открыты. К примеру, Александр Алексеевич Кокшаров, призванный в действующую армию из коряжемской деревни Слободка: «Живем в землянках, хотя уж и не так важно, но жить можно». Без пафоса сообщено. А следом хозяйский наказ жене: «Вот что, Анна: сейчас старайся купить картошки на посадку, пусть и дорого, но покупай. Я в апреле месяце еще перешлю тебе денег на покупку картошки и

-снежный аттестат... Ну а теперь опишите, как живут ребятишки - Леня и Володя и Витя и как учатся ребята Юрик и Валька... Пишу письмо в темной ч-млянке, так что спина устала...» И дата - 28 марта 1942 года.

Оказывается, мир бойца не сужался до уровня земляного укрытия, а был куда шире, просторнее, масштабнее. Да, нечто бытовое проглядывалось в его писаниях. Но и на фронте, в полевых условиях, он все еще оставался ответственным за свое большое семейство, за свой род, их заботами тяготился. Муж, отец, хозяин, защитник. Мужчина. А в письме, посланном раньше, Александр Алексеевич радуется рождению сына - без него, после ухода на военную службу появился на свет наследник: «А также поздравляю с новорожденным сыном. Имя дала ему очень хорошее, мне нравится». Еще бы не нравиться: в честь отца назван, Санькой. И опять про деньги: посылает 300 рублей и еще придет, как только прибудет на новое место службы. Понимал, что не сладко живется семье, и он - ее единственная опора. И наставления детям - прилежно >читься, потому что знания всегда в цене. И - «сильно не балуйте». Все по-крестьянски, вернее, по-христиански просто сказано. И здесь и далее вряд ли можно сравнивать эти поучения с библейскими заповедями. Но ведь интонационно они пересекаются!

Получил Александр Алексеевич из дому известие о гибели знакомых. «Да, ребят очень жаль, которых убили на фронте. Но ничего не поделаешь, видно, чему быть...» Не договорил: «того не миновать». Чувствуется смирение перед уготованным. Может, и себя, свою будущую судьбу имел в виду? «Получили али нет мои фотокарточки? Я высылал вам на память... У меня бумага есть, да не знаю, как вам послать, а то, наверное, у вас бумаги нет и писать не на чем». «На память», кажется, звучит тут в ином контексте: как «на помин». И другое послание, тоже из 1942 года: «...Анна, опиши, как вы живете в отношении хлеба и ходите ли в столовую и чем питаетесь, ведь сейчас, наверное, у вас большие недостатки. Но ничего, как-нибудь надо пережить все трудности до полного разгрома гитлеровских банд, которые по-разбойничьи напали на нашу родину и нарушили наш мирный труд». И после этих, как в политрукских докладах, строк, опять приземленное: «У меня есть немного мануфактуры для ребятишек, купил в военторге, но только не знаю, как переслать, но как-нибудь перешлю, сумею. Притом опишите, есть ли там, в Коряжме, военный магазин. То я могу выслать книжку, и вы сможете получать из магазина-военторга». А в конце добавлено: «Остаюсь пока жив... Целую вас крепко... Сильно не скучайте и не забывайте обо мне».

О своих жене и детях воентехник второго ранга Александр Кокшаров проявлял неустанный беспокойство. Выселили их из квартиры - тотчас же обратился к командованию и в Сольвычегодск депешу отправил: недопустимое творится, произвол, прошу навести порядок! Прихворнул сын — тотчас затревожился: ну как он там? Вскоре побеспокоиться об оставшейся семье, о шестерых детях стало некому: 2 декабря 1942 года он погиб героической смертью. Одно успел Кокшаров: защитить Родину.

Родина и семья, впрочем, чаще всего в солдатских письмах приобретали одинаковую значимость. И вера была - в Победу, равносильная тогда вере в Бога. Вот и старший сержант Николай Николаевич Уткин из деревни Княжица (сейчас - Котласского района Архангельской области), умерший в Воронежской области от ран в апреле 1943 года, о том же писал (точнее, диктовал) буквально за несколько дней до смерти: «Нужно одно: быстрее разгромить врага и вернуться здоровым, невредимым домой, и быть в одной семье, вместе с вами - жить и работать». Не сбылось.

Уроженец Коношского района Архангельской области Василий Куликов, живший позднее в Коряжме, сообщал родным 24 августа 1943 года: «В настоящий момент нахожусь на фронте (уже около месяца), там, где происходят последние события и, как уже, наверное, вам известно, освободили город Харьков. Это одна из решающих побед Красной Армии над немецкими оккупантами, приближающая окончательный разгром врага... Я знаю только одно, что я выполняю долг перед родиной и народом. Вот как изгоним врага со своей родины и окончательно разгромим, тогда снова вернемся в Хмельники, а сейчас здесь пока еще делов очень много, работы хватает, враг еще совсем не разбит, но отступает». И вновь это несвойственное для военного лексикона слово «работа». «Дело», притом с приставкой «правое».

Другой солдат, уроженец Вилегодчины, Александр Афанасьевич Ярыгин: «...Просто сердце сжимается, когда смотришь на эту картину: разрушенные города, железнодорожные станции и необработанные поля. Я до этого не видел войны. И бедное население, что оно переносит...» К жене: «Рая, обо мне крепко не беспокойтесь, ведь на фронтах миллионы, все хотят жить и все борются». И тут же - о хозяйственных вопросах: «советую корму для коровы как-нибудь, но запастись». Еще в одном письме — настойчивая просьба сыну Аркаше: «Учись пуще, слушай бабушку и мать, не дерись с Леной, храни Ваню. Привыкай бороться. Ну а я поеду домой, тебе немедленно привезу гармошку».

21 июля 1942 года: «Рая, прощаться я не собираюсь, но получиться может, что и это последнее письмо, ведь война. То тогда меня помни, что и буду помирать, подумаю о тебе и детях. Мы с тобою отжили не плохо». 24 июля 1942 года: «Я особо маму предупреждаю: ведь жив буду - вернусь, а не вернусь, так еще сын есть, мои дети есть, одинаково будешь считать за меня и все. Рая, главная к тебе просьба: маму ни в чем не обижай, и дети пусть пуще ее слушают. Ну, в общем, есть ли (если - В.Н.) уважаешь меня, то уважай и маму». Или еще: «Рая, между нами с тобой мало было худого в жизни, но если что, худое забывай. Вспоминай, что было хорошее. Письма советую пока беречь, ведь возможно, могут быть памятью. Жизнь наша на волоске» (11 августа 1942 года). И как в воду глядел: не вернулся домой, оставшись навсегда лежать на братском кладбище села Новая Усмань, в Воронежском краю. «Самый горячий и серьезный фронт» здесь, по выражению Ярыгина.

Предчувствие беды, ощущение последнего исхода, похоже, уже довели над русским бойцом. Но не страх, другое состояние было. Не так ли наши предки, перекрестившись и помолвившись, надев чистые одежды, уходили на великие сечи? Не христианская ли мораль кроется за всеми этими строками? Не сама ли суть нашего бытия и общения человеческого? Мог ли народ с другими понятиями о чести и долге перед роднею и Родиной выиграть в той войне, ставшей для нас прежде Великой Отечественной, а потом уже Второй Мировой?

А эту почтовую открытку с текстом на немецком языке привез домой из Пилалу старший лейтенант Иван Петрович Чирков — отец котласского художника Юрия Ивановича Чиркова. В большинстве случаев именно такие трофеи везли наши бойцы домой. С видами больших, доселе невиданных городов, которые приходилось освобождать. На открытке вид готического храма - кирхи. Обер-лейтенант Г.Кайзер послал открытку своим детям и жене. Чтобы было понятно всем - и старшим, и младшим — напечатано на пишущей машинке. И он, заботливый папаша, проявлял безграничную любовь к домочадцам: «Любимые мальчуганы, как поживает ваша сестричка? А мама Мур-Мур? Ваша кузина Инга со своими тяжкими вздохами и легким чиханием велит сердечно поприветствовать вас и сказать, чтобы не кричали, а почаще улыбайтесь и были жизнерадостными, как Мур. И так же всегда прибывали на 150-200 граммов. Сегодня Ингу посетила большая тетя из Гамбурга - тетя Бронхильда Кельтер, на ней были восхитительные желтые панталоны в складочку. Как мило все же было, если бы война скоро закончилась, и вы смогли бы с нею поиграть».

Оказывается, и враги бывали сентиментальны. И заботливы. И любящи. И человечны. Но не на поле боя. Пуля не выбирала направление: она поражала цель - врага. Однако правота оставалась, вне всяких сомнений, на стороне советских солдат - Александра Алексеевича Кокшарова, Николая Николаевича Уткина, Александра Афанасьевича Ярыгина, Василия Васильевича Куликова. Поэтому они и победили. Победила духовность, уходящая корнями в православное прошлое.

Источники и литература

1. Коряжемский городской архив. Ф.16. Оп.1. Д.1. Письма А.А.Ярыгина.
2. Личные архивы В.А.Кокшарова, Т.Н. и Г.В.Куликовых, В.В.Ноговицына, Ю.И.Чиркова.
3. Ноговицын В.В. «В Победу и я вложил немалую долю свою» // Трудовая Коряжма. 2005. 5 мая. С.4.
4. Ноговицын В.В. Письма из 42-го // Трудовая Коряжма. 2005. 7 мая. С.5.
5. Ноговицын В.В. Черно-белая война. Вельск, 2005.
6. Пырин Н. Солдат Великой Победы не одинок // Прихоперь. 2005. 7 мая. С.3.